

16.34  
11676

Г.С. Митыпова

**ПРАВОСЛАВИЕ  
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ  
БУРЯТИИ**



## СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ .....	4
ВВЕДЕНИЕ .....	7
ГЛАВА I. ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА БУРЯТИИ – МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Культурологический аспект. ....	24
Религиозная культура – аксио-семиотический аспект. ....	31
ГЛАВА II. НАЧАЛО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ (30 - 70-е гг. XVII в.)	
2.1. Острожские храмы – социо-культурный аспект функционирования. ....	40
2.2. Православные монастыри в контексте инкультурационных процессов в Забайкалье (XVIII – XX вв.) .....	52
ГЛАВА III. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ – (XVIII – XIX вв.)	
3.1. Социокультурные детерминанты структурной стратификации .....	67
3.2. Средства православной культуры – региональная специфика .....	79
3.3. Приходская община как основа инкультурационной динамики .....	87
3.4. МИССИОНЕРСКИЕ ХРАМЫ В СИСТЕМЕ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БУРЯТ И ЭВЕНКОВ (XIX в.) .....	101
ГЛАВА IV. КРИЗИС И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	
4.1. Деятельность церкви в условиях отделенности от государства (советский период) .....	111
4.2. Начало возрождения: проблемы и перспективы (постсоветский период) .....	119
Заключение .....	136
Примечания .....	144
Список использованной литературы .....	156
Приложения .....	165

## От издателей

В настоящем издании рассматривается важная культурологическая составляющая истории Бурятии – бытование православной культуры в регионе периода XVII – XX вв. Об этом периоде свидетельствуют не только раритеты республиканских и муниципальных музеев, книги кириллической печати из коллекции Национальной библиотеки и Национального архива, но и памятники православного зодчества, успешно восстанавливаемые сегодня.

Бурятия – уникальная территория, где сосредоточены и развиваются несколько типов культур: архаичная культура автохтонных родовых обществ, выраженная в мифологическом сознании, поведении народа и традиционных сакральных местах родовых кочевий, буддийская культура феодального общества, привнесенная из сопредельных стран Центральной Азии – Тибета, Монголии и Китая в XVII – XVIII вв., русская культура с элементами христианско-византийской цивилизации, продвигавшейся в Сибирь, Дальний Восток, Японию, Монголию, Китай и Аляску в тот же период.

На протяжении многих столетий, с появлением храмовых-сакральных и социокультурных центров, изменяется и формируется историко-культурный ландшафт с его характерными особенностями византийской архитектуры, русского классического барокко, шатрового стиля. Вместо дисперсного расселения стойбищ и родовых кочевий формируются поселения и города с прямолинейной планировкой и застройкой, присущей российской культуре имперского периода.

Таким образом, в результате продвижения субкультур с востока и запада, образуется особый тип региональной культуры, в пространстве которой соседствуют различные виды архитектуры поселений и городов с проживающими в них бурятами, “конными” и “олеными” тунгусами, русскими, немцами, поляками и представителями других народов и наций России.

Советский период в развитии культуры региона оказал существенное влияние на формирование историко-культурного ландшафта Забайкалья – создание промышленных предприятий оборонного значения в городах и населенных пунктах, промышленное освоение северных байкальских территорий – стали инновационными доминантами, трансформирующими социокультурное пространство.

В современной Республике Бурятия институты культуры представляют собой достаточно развитую структуру, в деятельности которой учитываются региональные особенности края. В процессе ресурсного развертывания позиций в области историко-культурного наследия народов Бурятии

активизируется его изучение. Техничко-экономическое обоснование развития культуры посредством включения их научно-исследовательских активов в развитие регионального культурного туризма позволяет расширить рамки деятельности ее учреждений: музеев, библиотек, театров – в качестве культурологического форпоста.

Многие объекты культурного наследия представляют собой уникальную ценность не только России и Бурятии, но и являются неотъемлемой частью Всемирного культурного наследия. Более 22 территорий могут иметь статус заповедных и достопримечательных мест. Восточное побережье Байкала, с его “каменным ожерельем” православной культуры, Селенгинская Даурия – сами по себе являются свидетельствами дипломатических, торговых, экономических отношений России, Монголии и Китая; долина реки Селенги, воспетая в песнях бурятского народа, территория первой школы тибетской медицины (Ацагатский аршан), где также сосредоточены археологические, этнографические, природные комплексы, характеризующие историю и культуру Бурятии – неиссякаемый фонд развития инфраструктуры культуры и туризма.

В целях наиболее полного использования историко-культурологического ресурса в экономическом и стратегическом развитии региона, как одного из транзитных центров Восточной Сибири, Центральной и Юго-Восточной Азии необходимы исследования по горизонтальным и вертикальным связям. Проведение мониторинговых исследований местностей и территорий, где предположительно могут пересекаться интересы государственных и религиозных организаций с привлечением промышленников, инвесторов – одна из важных составляющих в политике государственных учреждений культуры.

Все это, безусловно, будет способствовать формированию положительного имиджа республики, его позитивных составляющих, выраженных в показе лучших театральных коллективов, выставок раритетов культуры, реконструировании исторических событий методами и возможностями, присущим учреждениям культуры, издании каталогов, альбомов, производстве сувенирной продукции и т.д.

Можно согласиться с мнениями многих видных ученых современности, что общество интеллектуально настолько, насколько им используются богатейшие знания, содержащиеся в культурном генофонде человечества. Исследование культурного генофонда народов Байкальского региона – одна из перспективных задач для исследователей различного профиля академической и прикладной наук.

На современном этапе отечественные политические, экономические и философско-культурологические издания поднимают актуальнейшие проблемы современности, одной из которых является взаимодействие истории, экономики и культуры как важной составной части развития общества в целом. Обсуждение данных проблем при изучении перспектив развития восточных, западных, южных и северных цивилизаций, имеющих свои этнические, политические, экономические и хозяйственные особенности, позволит выработать модели последующего развития социокультурного пространства.

В наступившем столетии исследование и пропаганда памятников историко-культурного наследия полиэтничной и поликонфессиональной Бурятии, в контексте развития институциональных, хозяйственных и туристских функций учреждений культуры, становится наиболее актуальным. Данная монография, по мнению издателей, послужит определенным вкладом в этот процесс и будет интересна всем, кому небезразличны пути развития отечественной истории и культуры.

*Владимир Прокопьев,  
министр культуры и массовых коммуникаций  
Республики Бурятия, кандидат педагогических наук,  
президент Бурятского  
отделения ЮНЕСКО*

## ВВЕДЕНИЕ

Со времени освоения Сибири Россней, с основания острогов и городов русскими казаками-землепроходцами история Русской православной Церкви в Забайкалье, ее просветительская деятельность являются одной из самых содержательных и неординарных страниц в истории Отечества.

Православная церковь в своей деятельности затрагивала буквально все стороны духовной жизни русских поселенцев православного вероисповедания, разнородных по своему социальному составу, оказывала существенное влияние на мировоззрение, традиции и обычаи, уклад жизни автохтонных народов, вылившееся в длительный процесс их христианизации.

Для российского общества исторически оправданными являются ценности, унаследованные в течение всего исторического пути России. На протяжении многих веков эти ценности освящались авторитетом и традицией Православной Церкви, формируя мирозерцание, этику, культуру народа, являясь идеологическим обоснованием всей системы мировоззренческих и этических ценностей, без которых не могут существовать ни государство, ни нация.

В настоящее время на фоне возросшего интереса к религии православие рассматривается *как культурная ценность и национальное достояние* русского народа, опора его национального самосознания. История показала, что только внутренняя, духовно-нравственная жизнь личности есть та главная творческая сила человеческого бытия, которая является единственно прочным фундаментом для культурного и общественного строительства. В современном гражданском обществе миссия церкви состоит в том, что она оказывает непосредственное или хотя бы косвенное влияние на формирование каждой отдельной личности.

Всякая цель предполагает и средства ее достижения. Согласно сотереологической доктрине православия вся инфраструктура церковной организации является средством достижения одной цели – богоуподобления. История Русской православной церкви и государственного структурирования Байкальской Сибири освещена достаточно полно, но антропо-социальная характеристика миссионерской деятельности конфессиональных институций Центрально-Азиатского региона в ее социо-политической страте XX – XXI вв. практически не дана. Материалы по внешней канве истории православного миссионерства представлены в дореволюционной литературе преимущественно отрывочно, короткими сюжетами и отдельными фактами.

Впервые вопросы миссиологии Православной Церкви были затронуты в литературе XVII – XVIII веков: “Сибирские летописи”, “История

Сибирская” С. Ремезова, труды по истории православной церкви и миссионерства Г. Миллера, И. Фишера, И. Болтина, которые идеологически обосновали присоединение Сибири к России, связав его с христианско-просветительской миссией русского народа. На основании введенных в оборот фактических данных по миссионерству и деятельности первых сибирских митрополитов христианизация Сибири оценивается ими как явление в целом прогрессивное.

В первой половине XIX в. появляется фундаментальная “История Российской иерархии” архимандрита Амвросия Орнатского, “История Русской церкви” Ф. Гумилевского (в 5-ти томах); к ним примыкают работы К. Добронравина (1), Н.Н. Дурново (2), представляющие собой попытки сжатого, популяризированного изложения церковной истории. Более подробно, по сравнению с предыдущими работами, миссионерская деятельность русской церкви была рассмотрена Т. Догуревичем, Н. Никольским, М. Фивейским. Впрочем, и их публикации носили описательный характер, не входя в доктринальную суть миссиологии православной церкви (3).

*Клерикальный пласт исследований* по церковной истории Байкальской Сибири, именно в силу полноты антропо-христологического обоснования ее течения, остается за пределами введенных в научный оборот источников. Исключение составляют труды по миссионерству, в какой-то степени отражающие региональный срез этногенеза. Прежде всего, это касается работ членов Синодальных миссионерских структур и их епархиальных подразделений; документах канцелярского делопроизводства Архиерейских домов и Духовных консисторий, отраженных на страницах “Иркутских...”, “Забайкальских епархиальных ведомостей” и “Приложений...” к ним, в “Трудах православных миссий Иркутской епархии”, “Миссионерского обозрения”, “Православного вестника”. В них регулярно публиковались отчеты миссий, статьи и записки миссионеров, “Дневники...” архиепископов Иркутских и Нерчинских высокопреосвященных Вениамина, Нила, Ириней, архимандрита Никодима, иеромонаха Нестора, священников П. Громова, И. Косыгина и др., отражающих проблематику межконфессиональных отношений, в условиях распространения и укоренения ламаизма в шаманистской среде До- и Забайкальской Сибири.

В целях выявления общего оценочного уровня роли Российского православия в освоении Сибири, необходимо упомянуть и ряд работ дореволюционного периода, посвященных историко-географическому обзору края: А.И. Термена “Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области” (СПб, 1912), В. Паршина “Поездка в

Забайкальский край” (М., 1884), Г.М. Осокина “На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья” (СПб, 1906), очерки краеведов-исследователей В.В. Птицына “Селенгинская Даурия. Очерки Забайкальского края “ (СПб, 1896) и Н.А. Астырева “На таежных прогалинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири” (М., 1891). Фрагментарно-описательный вектор этих работ не дает достаточных оснований для оценочной полноты миссионерской деятельности Русской православной церкви в регионе.

Вопросы общественно-политического развития России, связанные с процессом освоения Сибири, и роли церкви отражены в фундаментальном труде С. Соловьева, в исследованиях П. Словцова, В. Вагина и В. Андриевича. К сожалению, привлечение новых фактических данных о характеристике культурного уровня духовенства и степени усвоения православия аборигенным населением легло лишь в основу критических высказываний авторов по отношению к миссионерской деятельности православной церкви, переживающей вкупе с российской государственностью период стремительного внешнего роста. Его идеологическое обоснование в рамках доктринально обусловленных государственно-церковных отношений не исчерпывается вопросами общественно-политического блока, налагающего на церковь в рассматриваемый авторами синодальный период не свойственную ей административную имперско-унифицирующую функцию (4).

Установленный Петровскими преобразованиями синодальный строй в Русской церкви не стал периодом упадка или застоя в исполнении ее миссии. Утверждение о двухсотлетнем административном пленении церкви является преувеличенным и исторически ошибочным. Оно может быть отнесено лишь к верхнему бюрократическому аппарату чиновников “Ведомства православного исповедания”, но не к самой сакрально-доктринальной природе церкви. *Идеологическое игнорирование* этой данности приводит к односторонним поверхностным оценкам всего этноконфессионального спектра социо-политической жизни общества. Этнографический обзор и описание частных явлений религиозной и социально-экономической жизни этнических групп бурят в конце XIX – нач. XX века, данных в работах А.П. Щапова, М.А. Кроля, П.Е. Кулакова и других являются базовыми и для современных исследований в области истории культуры и традиционной, в том числе и доламаистской религии бурят (5). Таким образом, дореволюционная историография характеризуется особенностями Синодального периода, политически декларированного господства православия. Последовавший за царским советский имперский период наложил идеологические шоры атеизма на



процесс объективного историко-философского исследования проблем этно-конфессионального и культурологического блоков, а также лежащей в их основе религиозной антропо-доктринальной составляющей.

В послеоктябрьский период вопросы миссиологии разрабатывались в рамках изучения торгово-экономического освоения русскими Сибири. В литературе 20-30-х гг. XX в. была дана краткая характеристика истории развития миссионерского дела, оцениваемое как элемент национально-колониальной политики, средство закабаления сибирских народов царским правительством. Методологические, идейно-теоретические положения марксизма определяли поверхностный характер оценок миссионерства. Лишь некоторые из них, например, С. Бахрушин, говоря о христианизации аборигенного населения Сибири в XVII веке, обращали внимание на то, что в этот период правительство сдерживало процесс христианизации, запрещало насильственное крещение и вывоз новокрещенных из Сибири, и это, по мнению исследователей, объяснялось лишь ясачными интересами государства.

Практически всеми исследователями этого периода отмечалась тесная связь миссионерства с правительственной политикой (6).

В 20-30-е годы XX века с появлением работ В.П. Гирченко, Д.А. Клеменца, Ц. Жамцарано, Ф.А. Кудрявцева проблемы национальных отношений в Бурятии освещены с позиций земельной политики имперской администрации к аборигенному населению (7). В обобщающем труде М.Н. Богданова “Краткий очерк бурят-монгольского народа” (Верхнеудинск, 1926), впервые за этот период была сделана попытка осмысления итогов христианского просвещения на примере истории школьного и церковно-школьного образования среди бурят. Его мнение о положительных и отрицательных сторонах православной миссионерской деятельности легло в основу оценочных категорий последующих по времени работ по исследованию проблем влияния православной миссиологии на региональный этногенез.

В 40-60-е годы XX века в ряде новых монографий по истории народов Сибири, Забайкалья при марксистско-ленинском понимании историзма в приложении к общественным явлениям отмечалось некоторое прогрессивное значение принятия аборигенами христианства. Выявлялись исторические условия распространения православия среди бурят, делалась попытка осмыслить логику миссионерского дела, роли Русской православной церкви как части системы государственной власти (8). Монография В.И. Андреева “История бурятской школы (1888 - 1963 гг.)” (Улан-Удэ, 1964), затронув вопросы о роли церковно-школьного

образования в становлении народной интеллигенции, не дает оценки итогов просветительской деятельности и роли миссионеров в развитии общего уровня образованности местного населения и изменения менталитета.

Православные храмы со времени своего основания в местах компактного расселения русского населения на территории Бурятии привнесли существенные изменения в культурный облик региона, коренным образом повлияли на изменение историко-культурного ландшафта. Храмы, основанные в 1640 - 1666-м годах в забайкальских острогах, впоследствии преобразованные в города, монастыри I Даурской миссии (1681): Посольский Преображенский и Селенгинский Троицкий, – способствовали образованию поселений на восточном побережье Байкала. Поселения с приходскими церквями значительно изменили облик местности, и, в силу легитимности православия и морфологических особенностей, по существу явились своеобразным социокультурным институтом, повлиявшим на культурную жизнь русских и бурят.

Деятельность православной церкви с сер. XVII в. по 1917 г., особенно просветительская, требует объективного подхода и комплексного научного анализа. Православие в Бурятии не могло не оставить глубоких и качественных изменений в культурной жизни края, последствия которых наблюдаются в значительной части составляющих современной культуры региона.

До 90-х гг. XX в. исследования по истории храмовых комплексов православия как объектов и центров культурно-исторических изменений в регионе носили несколько односторонний характер. Преимущественно выявлялись и освещались вопросы взаимодействия буддизма и шаманизма, а также деятельность православной церкви с позиций анализа процессов христианизации бурят. Оценивая перспективы сосуществования различных религиозных систем на территории современной Бурятии, изучение проблем истории Православной Церкви в Бурятии может дать более точный оценочный прогноз и историко-культурное обоснование перспектив дальнейших исследований.

Во второй половине XIX - нач. XX вв. издан ряд работ церковных историков, которые, оценивая развитие исторического процесса с собственных методологических позиций, предоставили, по сути, богатый фактический материал для современных исследователей. В работах, связанных с историей Православной Церкви, приведен фактический материал по деятельности конкретных церковных приходов Иркутской епархии. Особенный интерес представляют исследования М.П. Строева “Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви”, Нестора (иеромонаха) “Православие в Сибири”, П.В. Знаменского “Основные

начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I ” и др. (9).

Значительный интерес представляет двухтомный труд И. М. Покровского “Русские епархии в XVI - XIX вв., их открытие, состав и приделы”, в котором прослеживается процесс формирования Иркутской епархии, ее состав, границы, вклад иркутского духовенства в колонизацию Восточной Сибири. Статистические данные позволяют выявить закономерности расширения сети церковных приходов, а также некоторые региональные особенности (10).

Высоко оценивая вышеназванные труды авторов, следует иметь в виду, что эти работы рассматривают особенности утверждения православия на окраинах империи в контексте общероссийской истории. Эта проблема затронута фрагментарно, зачастую с позиций логики официальной идеологии империи - православия.

Среди трудов дореволюционных историков Сибири и деятелей Российского Географического общества, посвященных историко-географическому обзору края, содержатся сведения о православных храмах края. О тех или иных церквях, школах и священнослужителях упоминается в трудах А.И. Термена “Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области”, Г.М. Осокина “На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья”, В. Паршина “Поездка в Забайкальский край” (11). В вышеназванных работах, содержащих историко-географический обзор, вопросы деятельности православного духовенства и церкви затронуты описательно и также фрагментарно. В работах по истории Сибири авторов П. Словцова, В. Вагина, В. Андриевича и ряда других освещаются вопросы деятельности православного духовенства и церкви края, проблемы духовной жизни в контексте общественно-политического развития России. В этих работах не формулируется значение церквей в качестве духовно-культурных центров, четко не показано перспективное значение храмов в деле воспитания молодого поколения и неофитов. К сожалению, многие работы не избежали этнографической описательности и заданной фрагментарности в изложении материала. Статистические данные Комиссии Куломзина по землевладению и землепользованию в Забайкальской области дают богатый материал для исследователя (12).

Представляет интерес описание деятельности Пекинской духовной миссии, опубликованы материалы об основании миссии в XVIII веке, о следовании миссионеров через Байкал и селенгинские степи и пребывании их в гг. Селенгинске, Кяхте и в Селенгинско-Троицком и Посольском монастырях. Есть довольно интересные сведения о состоянии монастырей

на этот период, о священнослужителях, изучающих китайский язык и занимающихся изучением истории и культуры Китая и Монголии. В материалах дипломатических посольств, составленных Николаем Бантыш-Каменским, “Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 гг.”, помимо вопросов межгосударственных отношений, затрагиваются и проблемы духовных миссий.

В исторических хрониках, таких как “Иркутская летопись 1857-1880 гг.” Н. С. Романова, даны подробные сведения о составе миссий, маршруты их следования. В фундаментальном исследовании “Русско-китайские отношения в XVII веке” имеются достоверные сведения о деятельности внешней миссии Русской православной церкви в Забайкалье (13).

Помимо специальных трудов по истории церкви мы находим сведения о забайкальских церквях в «Православном энциклопедическом словаре», в «Памятной книжке Забайкальского края», где даны статистические сведения о храмах и священнослужителях. В светских изданиях, таких как «Путеводитель по Транссибирской магистрали» и «Города России», также даны конкретные данные и некоторые сведения о церквях и соборах городов и станций края. В вышеназванных работах присутствует огромный фактический материал краеведческого либо бытописательского характера, но отсутствует объективная оценка деятельности церкви в регионе, что обусловлено, в первую очередь, идеологическими установками и не могло быть иным.

С позиций изучения проблем церковной жизни изнутри пронизаны материалы “Иркутских...” и “Забайкальских епархиальных ведомостей”, издававшихся в XIX - нач. XX вв., на страницах которых деятели Иркутской и Забайкальской епархий Макарий, Мелетий, Вениамин и другие православные миссионеры затрагивают вопросы и проблемы миссионерской деятельности церкви и духовенства, жизни бурятского и эвенкийского населения в контексте “окормления паствы”. Здесь приведены статистические данные о крещении бурят, опубликованы материалы о финансовом состоянии церковных приходов, опубликованы заметки и письма миссионеров и приходских священников с мест, из отдаленных глубин обширных епархий.

В советский период, когда в борьбе против религии ограничивались рамки изучения темы, допускались грубейшие нарушения веротерпимости, не всегда учитывался опыт многовекового историко-культурного развития русского православия. С 20-х гг. появляются работы атеистического направления, в которых история церкви освещается в

одностороннем порядке, издаются антирелигиозные учебники, атеистические словари. Определяющим моментом для всей церковной политики государства и советской исторической науки явились пропагандистские выступления партийных деятелей того времени: И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, Ем. Ярославского и др.

“История русской церкви” Н.П. Никольского положила начало исследованиям по истории православной церкви в рамках новой, более объективной методологии (14). Несмотря на однозначность методологических установок этого времени, значение работы заключается в том, что советская историческая наука впервые обратила внимание на комплексное изучение истории отечественного православия.

В то же время издаются работы, в которых дается однозначно негативная оценка деятельности православного духовенства. Это, в первую очередь, работы К.П. Абросенко «Религия на службе контрреволюции в Сибири», Е.Ф. Грекулова «Православная церковь - враг просвещения», М.Л. Нейтмана «Православная церковь Забайкалья в период семеновщины» и др. (15). К сожалению, характер этих исследований определяет в них доминирование политических штампов, которые не позволяют оценить эти сочинения как подлинно научные.

В книге были использованы работы Д. Лихачева, А. Сахарова, Б. Рыбакова и ряда других отечественных исследователей, их фундаментальные теоретические положения по истории и теории культуры и религии легли в основу концептуальных построений автора в отношении истории становления и развития православных комплексов Западного Забайкалья.

Ряд авторов освещают основные процессы практической реализации религиозных принципов социальной жизни, взаимодействие и взаимное влияние религиозных институтов и структур власти, религии и культуры — это работа С.И. Самыгина, В.Н. Нечипуренко, И.Н. Полонской «Религиоведение: социология и психология религии». Здесь рассматриваются причины и истоки распространения православия в Забайкалье, одновременного сосуществования различных религиозных концепций и многообразия религиозной жизни, которые являются феноменами общественной жизни России в XVII-XIX вв.

В исследованиях отечественных историков С. Бахрушина «К вопросу о крещении Киевской Руси», Б.Д. Грекова «Крещение Руси», М.Н. Тихомирова «Просвещение Киевской Руси» и ряде других работ привлечены материалы по истории распространения христианства на Руси, выявлена логика его исторического развития, а также объективные условия распространения православия. Безусловно, авторы находятся на позициях марксистско-ленинского понимания историзма в приложении к

общественным явлениям, однако им присущи глубокое философское видение предмета исследования, многоаспектность изложения, не подвластные идеологическим установкам.

По исследуемой нами теме и по вопросу участия православной церкви в колонизации Восточной Сибири, в частности, Западного Забайкалья в XVII в., вышеназванные исследования являются бесспорными в методологическом и теоретическом планах. Авторы, критикуя церковь, учитывают тот фактор, что церковь укрепляла авторитет самодержавной власти, способствовала реализации на практике идеи «Москва - третий Рим», являлась частью государственной системы власти.

Вместе с общественными настроениями и развитием историографии на рубеже 80-90-х гг. XX в. начинается новый этап в историографии русского православия, сопровождавшийся процессами возрождения утраченных ценностей, апелляцией к отечественному историко-культурному наследию. Ретроспективная основа работ Н.С. Гордиенко «Современное русское православие», И. А. Кривелева «История религий» и ряда других позволяет провести ряд сопоставительных аналогий в истории православия в России и на ее национальных окраинах (16). Хотя в вышеназванных работах подводятся общие итоги сложного процесса, касающегося кризиса православной церкви в масштабах России, ряд оценок, касающихся роли и значения православия, актуальны для нашего исследования.

Достаточно объективной и насыщенной источниковой базой является «История бурят-монгольского народа» Ф. А. Кудрявцева, изданная в 1940 г. Ряд работ бурятских ученых посвящен экономическому состоянию монастырей, формированию поселений новокрещеных бурят, их социальному положению, хотя основополагающей концепцией, проходящей красной нитью через все работы, является утверждение, что православное духовенство являлось орудием царского правительства в деле колонизации края (17).

Работы Крадина В.И. «Первые русские города Сибири», Крадина Н.П. «Русское деревянное оборонное зодчество», Резун Д.Я., Васильевского Р.С. «Летопись сибирских городов», Проскуракова Т.С. «О регулярности в русском градостроительстве XVII - XVIII вв.» и ряд др. фундаментальных трудов исследователей истории архитектуры и градостроительства положили начало детальному анализу истории русских городов и церковного зодчества в Сибири. Определенный интерес для изучения истории православия в Бурятии представляют две монографии Л.К. Минерта: «Памятники архитектуры Бурятии» и «Архитектура Улан-Удэ» (18). В этих работах рассмотрены архитектурные и стилевые особенности

православных храмов, проанализированы разнообразие и характер архитектурно-композиционных решений, дана высокая оценка памятникам культового зодчества, их организующей роли в архитектурном пространстве и окружающей среде.

В 70-е гг. появляются издания, которые дают в целом положительную оценку научно-просветительной деятельности православного духовенства в Бурятии. “Очерки истории культуры Бурятии” являются фундаментальным исследованием творческого коллектива ученых Бурятии, которые внесли весомый и значительный вклад в исследование истории и культуры края, но вместе с тем, православные комплексы не рассматривались как структурные единицы в контексте духовного и культурного наследия. Дополнительные исследования в архивах существенно восполнят содержание и тематику исследований по дореволюционной истории Бурятии.

В 80-90-е гг. предпринимались отдельные попытки краеведческого изучения православных комплексов, в числе их находится работа М. Шмулевича “Троицко-Селенгинский монастырь” (19). В книге рассматриваются основание монастыря, развитие архитектурного ансамбля, монастырское землевладение, социальный состав приходских крестьян, деятельность настоятелей монастырей, их подвижнический труд.

В связи с изменением общественно-политического строя появляются работы, пронизанные идеей сохранения историко-культурного наследия, дается объективная оценка деятельности православной церкви, трагической и драматической истории ее за последние семьдесят лет. Это центральные периодические издания, такие как “Наука и религия”, “Архитектура и строительство”, “Родина” и ряд других. Среди публикаций архитекторов, историков и искусствоведов можно выделить работу М.М. Одинцова “Государство и церковь”, где приводятся государственные документы, касающиеся деятельности религиозных организаций в Советский период, начиная с Декрета об отделении церкви от государства.

О модернизации и укреплении позиций Русской православной церкви в современном христианстве, о поиске путей совместных взаимоприемлемых решений вероучительных проблем с другими конфессиями, о консолидирующей роли православия имеется ряд публикаций в академических изданиях.

Во второй половине 90-х гг. появляются исследования, посвященные истории Православной Церкви в Восточной Сибири. В этом ряду стоят диссертации И.Ю. Ваниной «Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Восточной Азии (сер. XVII - сер. XIX вв.» и

О. Наумовой, посвященная истории Иркутской епархии (XVII - XIX вв.), в которых рассматриваются вопросы деятельности миссий на территории Иркутской епархии и основные этапы становления епархии. В них дана положительная оценка деятельности Православной Церкви в регионе, показана просветительная деятельность архиереев, но не ставится проблема освещения культурообразующих функций православных храмов в регионе.

Появились работы, отражающие региональные особенности православия: диссертация В.Т. Михайловой “Православие в духовной культуре бурят (1861-1917)”, где дана высокая оценка деятельности православной церкви, особой роли православия в становлении дореволюционной и современной бурятской культуры, обоснован тезис о реальном функционировании в период с 1861 по 1917 год. Бурятской православной церкви в составе РПЦ, выявлены специфика и статус данного образования в системе традиционной бурятской культуры.

В 50-60-е годы XX века выходят работы в рамках изучения других проблем, освещающие различные аспекты миссионерской деятельности Русской православной церкви. И. Вдовин, К. М. Герасимова рассматривали положение ламаизма в Забайкалье и отношение к нему государственной власти и православной церкви, вклад миссионеров в развитие лингвистической науки (20). В 1958 году вышел фундаментальный труд коллектива авторов “История Сибири» (Л.: Наука, 1968 - 1969), представляющий итог развития советского сибириеведения, во второй том которого были включены материалы по христианизации коренных народов Сибири. При марксистско-ленинском понимании историзма в приложении к общественным явлениям, авторами выявлялись исторические условия распространения православия среди бурят и логика развития миссионерского дела. Появившиеся в 70-х годах работы Шишигина Е.С. и Шорохова Л.П. касались положения православной церкви в Сибири XVII – XVIII вв. и оценочных критериев миссионерства. Отмечаемое преобладание ненасильственных методов крещения (Шорохов Л.П.) и подарки и льготы, как основное средство привлечения якутов к крещению (Шишигин Е.С.), не раскрывают при этом сакрализации всего хозяйственно-бытового уклада через деятельность миссионерских структур церкви, ограничившись периодизацией этой деятельности и выявлением связи с государственной политикой (21).

За счет ряда работ 80 - 90-х гг. XX в. методология поиска существенно расширилась. В трудах Галдановой Г.Р., Герасимовой К.М., Дашиева Д.Б., Митупова Г.Ц., Михайлова Т.М., Дорджиевой Г.Ш., Митыповой Г.С. рассматривались вопросы христианизации бурят и калмыков в



религиоведческом контексте истории дошаманистских, автохтонных верований и ламаизма как историко-культурной формы Центрально-Азиатского буддизма (22).

Асалханов И.А., Дамешек Л.М., Шмулевич М.М. в своих исследованиях по истории и экономике края поднимают вопросы о землевладении, возникавшие между бурятами, новокрещеными и русскими, новых экономических отношениях, взаимовлиянии культур, политике имперской администрации в Прибайкалье и Забайкалье. Характеризуя результаты миссионерской деятельности Православной Церкви среди бурят, Л.М. Дамешек выделил на его взгляд позитивные и негативные моменты, отмечая в отношении обращения в православную веру преобладание мирных методов крещения (23).

Научные исследования регионального православоведения, наряду с дебютными начинаниями в области истории православия и старообрядчества, характеризуются достаточно добротной проработанностью фактологического материала (надо отметить, что постперестроечные общественно-политические изменения, рассекретившие ранее закрытые региональные фондохранилища и архивы, немало тому способствовали). Но, все же, ряд изысканий уровня кандидатских диссертаций, при несомненной ценности дескриптивно-систематизирующей доминанты, зачастую ею и ограничиваются. В первую очередь это касается истории православной миссии и монастырских структур, роль и значение которых подаются в большинстве своем вне православного миссиологического комплекса. Например, в диссертации Е.В. Дроботушенко «Православные монастыри Забайкалья во второй половине XIX - начале XX вв.», подробно рассматриваются и анализируются все виды деятельности забайкальских православных обитателей, воссоздается их история второй половины XIX - начала XX вв., но выявление основных закономерностей в развитии монастырского хозяйства, при всей полноте изложения, все таки не позволяют дать всестороннюю оценку социальной значимости монастырей для региона. В исследовании Шагжиной З.А. «Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Забайкалье, 2-я половина XVII - начала XX вв.» социальная значимость миссионерской деятельности Русской православной церкви определяется как «Своеобразная гарантия адаптирования и «вживания» в сложную структуру государственной и общественной жизни российского государства.» Миссия способствовала «приобщению коренного населения Забайкалья через христианство к мировым гуманистическим ценностям, русской культуре, новым социально-экономическим отношениям» (24).

Созвучны с этим и выводы, к которым пришла М. В. Анахина в диссертационном изыскании “Русская православная церковь в Забайкалье (XVII – начало XX вв.)” при анализе специфики становления церкви, а также ее хозяйственно-экономической и культурно-просветительской деятельности в Забайкалье, где отмечает: “Священники, особенно миссионеры, внесли вклад в изучение монгольского и бурятского языков, фольклора, этнографии, истории, статистики и географии Забайкалья. Просветительская деятельность церкви проявилась и в том, что посредством ее автохтонные народы Забайкалья приобщались к русской православной культуре, русскому языку и образу жизни” (25).<sup>4</sup>

В связи с празднованием 200-летия Св. Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, изданы материалы российских научно-практических конференций и симпозиумов, впервые вводятся в научный оборот богатейшие церковные архивы.

В книге использовались теоретические разработки по истории и теории отечественной религии и культуры, позволившие провести сопоставительный анализ таких явлений культуры, какой является деятельность православной церкви в крае, в сравнении с процессами развития церкви в общероссийском масштабе.

Таким образом, история русского православия, его цивилизующая роль на протяжении длительного исторического этапа (XVII - XX вв.) явились предметом пристального внимания видных ученых, общественных и политических деятелей, краеведов, которые на разных этапах исторического развития уделяли особое внимание православной церкви. Подавляющее большинство исследователей позитивно оценивало роль православной церкви в истории Российского государства. Тем не менее, история православия и культурно-историческая роль церквей в отдаленных регионах России, на рубежах цивилизации Запада и Востока, не получили достаточно полного отражения, требуются объективный научный анализ их роли и значения в освоении культурно-исторического пространства Сибири и Центральной Азии, детальная проработка некоторых аспектов темы, выявление проблем на постановочном уровне.

Советская историческая наука в силу методологических установок не отразила в полном объеме историю и культуру православной церкви в России, не говоря уже об особенностях распространения православия в таком регионе, как Забайкалье.

Современные исследования требуют дополнительного привлечения большого круга источников: новых архивных сведений, современной интерпретации опубликованных и неопубликованных материалов, привлечения лучших сил общественной мысли и исследователей из

сопредельных отраслей знания (архитектуры, языкознания, живописи, книжного дела, психологии и социологии).

Определение и освещение основных этапов распространения христианской культуры в Западном Забайкалье в период XVII–XX вв., связанных со строительством и функционированием, развитием и кризисом в деятельности православных храмов, являются достаточно сложной и интересной задачей:

- определение православных храмов в качестве модельных территорий, в которых формировался общерусский православный тип культуры в Западном Забайкалье;

- освещение практической деятельности православных храмов в длительном процессе социокультурного развития Западного Забайкалья;

- выявление регионального своеобразия в деятельности храмовых комплексов, связанного с особенностями духовной культуры бурят, основанной на постулатах традиционных религий – буддизма и шаманизма;

- выделение основных этапов в кризисных явлениях 17-40-х гг. XX в.

В частности, выявлены основные периоды распространения православия в регионе, выделена определяющая роль научно-просветительной деятельности Православной Церкви, выдвинут и обоснован тезис о православных храмах как духовных и культурных центрах. В работе актуализируются практические аспекты деятельности Православной Церкви в Бурятии, способствовавшей интеграции Западного Забайкалья в политическое, экономическое и культурное пространство России.

Необходимо определить реальное распространение православной культуры в Восточной Сибири, переосмыслить феномен взаимодействия христианства с культурными концепциями буддизма и шаманизма.

Православные храмы Забайкалья, определяемые автором в качестве базовых социокультурных моделей православной культуры в регионе, сыграли значительную, порой определяющую роль в становлении нового типа культуры, объединяющей историко-культурные концепции Востока и Запада.

Процесс становления и развития православных храмов на территории Западного Забайкалья как религиозных и культурных центров представляет значительный интерес для изучения развития общества. В книге рассматриваются такие аспекты деятельности православной церкви, как основание и строительство храмов, развитие иконописи, формирование библиотек, церковно-приходских школ, строительство миссионерских станций в совокупности составляющие культуuroобразующие центры в наиболее компактных местах расселения русского и бурятского населения.

Содержание книги охватывает значительный период – с последней трети XVII в., времени основания и строительства церквей, до настоящего времени. Проблемы развития православных храмов в первой половине XX в. рассматриваются лишь в порядке освещения крупнейшего кризиса церкви, сознательно выявляя основные и второстепенные моменты в процессе ликвидации православных храмовых комплексов и условия их возрождения.

Территориальные границы исследования – Западное Забайкалье (территория современной Бурятии) – обусловлены чисто географическими границами, хотя приходы, расположенные на данной территории, относились до конца XIX в. к Иркутской епархии, а с 1898 г., когда была образована Забайкальская епархия с центром в г. Чите, – Благодичиния округов подчинялись Читинскому архиерейскому дому, сохранившему до настоящего времени это руководство.

Основу исследований составили документы и материалы РГАДА (Российского государственного архива древних актов, г. Москва), РГИА (Российского государственного исторического архива, Санкт-Петербург), ГАИО (Государственного архива Иркутской области), НАРБ (Национального архива Республики Бурятия), ГАЧО (Государственного архива Читинской области), фонда редких книг Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Кяхтинского краеведческого музея им. В.А. Обручева. Значительная часть документов вводится в научный оборот впервые.

Основу для анализа и обобщения составили архивные документы, труды Забайкальской и Иркутской епархий, не вовлеченные широко в научный оборот; тома и выпуски “Иркутских епархиальных ведомостей” и “Забайкальских епархиальных ведомостей” позволили автору выявить статистические данные по строительству церквей, расширению границ приходов, жизни и деятельности церквей и их приходов по различным округам Бурятии.

Национальный архив Республики Бурятия, сформированный в 20-30-е годы нашего столетия, когда, в частности, были ликвидированы церкви, содержит 59 фондов церквей и монастырей, в которых сосредоточены Указы Святейшего Синода епархиям и приходам, распоряжения епархиального начальства, отчеты и рапорты настоятелей храмов. Основопологающим документом по истории той или иной церкви является клировая ведомость, в которой имеются сведения об основании и строительстве данного храма, биографические данные о священнослужителях, о пожертвованиях, о приходе и прихожанах, об имущественном состоянии. Сведения о церковно-приходских школах имеются в фондах епархиальных училищных советов, где сохранились ценнейшие личные фонды протоиереев Одигитриевского кафедрального собора: фонд А. Попова 364 (1841-1880) и